

Если заслышать рычанье безстрашного дикаго звѣря,
 Въ чащи лѣсныя сходящаго съ горъ; шумъ смятенья великий 185.
 Люди подъемлють и псы, — въ нихъ желаніе сна погибаетъ:
 Такжѣ отъ вѣкъ полководцевъ, въ ту грустную ночь сторожившихъ,
 Сладостный сонъ отлетѣлъ, ибо часто они обращались
 Въ сторону поля, не слышно-ль оттуда идущихъ Троянцевъ.
 Радость почуялъ стариkъ, увидавъ ихъ, и громко одобрилъ. 190.
 Къ нимъ обращаясь тогда, онъ промолвилъ крылатое слово:

«Такъ вы и впредь сторожите, о милыя дѣти. Дремотѣ
 Пусть не поддастся никто, да враговъ не обрадуемъ нашихъ».

Такъ говоря, онъ чрезъ ровъ перепрыгнулъ. За нимъ поспѣшили
 Слѣдомъ цари Аргивянъ, приглашенные имъ для совѣта. 195.
 Былъ Меріонъ среди нихъ, также Нестора сынъ благородный,
 Ибо цари ихъ просили участвовать въ общемъ совѣтѣ.
 И, черезъ вырытый ровъ перепрыгнувъ, они помѣстились
 Въ мѣстѣ просторномъ, гдѣ чистой земля оставалась отъ труповъ,
 Въ мѣстѣ, откуда назадъ обратился стремительный Гекторъ, 200.
 Много Ахейцевъ убивъ, когда ночь всю окрестность покрыла.
 Тамъ размѣстились они и бесѣдоватъ стали другъ съ другомъ.
 Первый со словомъ тогда обратился къ пимъ Несторъ Геренскій:

«Други! Ужель никого между вами отважное сердце
 Не побуждаетъ къ безстрашнымъ Троянцамъ отправиться въ лагерь? 205.
 Могъ-бы кого изъ враговъ онъ забрать на окраинахъ стана,
 Могъ-бы молву какъ-нибудь онъ услышать о томъ средь Троянцевъ,
 Что порѣшили они въ своеятъ сердцѣ? Упорно-ль желають
 Здѣсь оставаться вблизи отъ судовъ, иль намѣрены скоро
 Въ городъ обратно уйти, покоривши Ахейское войско? 210.
 Все это вывѣдать могъ-бы, потомъ невредимый обратно
 Къ намъ бы пришелъ. Велика въ поднебесной была-бъ его слава
 Между людьми, и почетный ему бы достался подарокъ.
 Сколько ни есть воеводъ, что судами начальствуютъ властно,
 Каждый отдельно овцу ему черную въ даръ предназначить, 215.
 Матку съ ягненкомъ сосущимъ, — награду, которой нѣтъ равной.
 Будетъ присутствовать онъ всегда на пирахъ и собраньяхъ».

Такъ онъ промолвилъ, и всѣ неподвижно хранили молчанье.
 И, наконецъ, Диомедъ отозвался, средь боя отважный:

«Несторъ, меня побуждаетъ и сердце, и духъ мой безстрашный 220.
 Въ лагерь враждебныхъ мужей, пребывающихъ близко Троянцевъ,
 Тайно проникнуть. Но если-бъ другой мнѣ сопутствовалъ воинъ,
 Крѣпче была-бы надежда, и тверже рѣшимость въ обоихъ.